

жертвующей преданности колебалъ ихъ духъ и тѣло, даже до такого степени приводимы сердечною чувствительностию, что нѣкоторыя получа пѣ знаки Монаршаго благоволенія, и копя возблагодарить, но лишаясь твердости и не могли выговорить ни слова, а указывая единственно на слезящія свои глаза, съ однимъ почтительнымъ видомъ опходились принуждены были. Ся чувствительность, сей знакъ благодарности, не ясное показываетъ изображеніе внемлющаго тогда ихъ сердца, яко бы сказывающаго: мы цѣну благодарній знаемъ, понимаемъ и чувствуемъ; вотъ готовая благодарность! которую вы видите, вотъ жертва нашей преданности! что преодолевая наше желаніе лишаемъ и самаго того удовольствія, чтобъ можно было произношеніемъ нѣсколькихъ словъ въ достойное возблагодареніе о поей засвидѣтельствовать.

По раздачѣ оныхъ знаковъ, и по заключеніи чувствующей всѣми ими за щедроты Монаршія благодарности, продолжаемо говореными рѣчьми, на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Россійскомъ языкахъ, Г: Алымовою, Рубановскою и Нелидовою: коихъ, какъ произношеніе словъ съ особливымъ вниманіемъ важности оныхъ, такъ и выраженіе чувствительности сердца, были явными доказательствами приобретенныхъ чрезъ воспитаніе душевныхъ дарованій. А по томъ слѣдующимъ чтеніемъ доспальнаго опредѣленія окончано.

„Въ пропчемъ Совѣтъ признавъ за долгъ почтуетъ, и всѣхъ вообще по тщательному ихъ усердію достойными усвоеннаго къ ихъ воспитанію попеченія; несумѣнно надѣясь желаемой быть отъ оныхъ пользы общесивенной, и заслуживаемой любви отъ своихъ родителей, съ вѣчною благодарностию **ВИНОВНИЦЪ** ихъ благодѣнствія. По томъ же

„**ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО** явила, нынѣ паки безпримѣрный знакъ своего великодушія, всемилосивѣйше пожаловавъ для благородныхъ